

Григорий Борзенко

ЧЕТЫРЕ МГНОВЕНИЯ ВЕСНЫ

Мгновение первое

Так вот, чертовы маевщики! И где они взялись?! Сидел себе спокойно, ловил рыбу, никого, как говорится, не трогал, так надо же: их черт припер! Иди, мол, Степаныч, к нам! Сто грамм, если желаешь, тресни, пивка холоденького («Только с холодильника!») отведай! Вот и отведал: терпеть уж невоготу! Нужно где-нибудь остановиться да к ветру по малой нужде сходить!

Степаныч убрал ногу с педали газа своего «Москвича», в то же время боковым зрением поглядывая на лесопосадку, вдоль которой ехал: где бы остановиться? Хотя чего уж здесь место-то особо выбирать: дорога ведь пустынная! От пруда, где он ловил рыбу, до села было не меньше четырех километров, половина пути проходила вдоль густой лесополосы: так уж чего-чего, а укромных местечек для подобных дел здесь хватало!

«Москвич», с выключенным зажиганием и пущенный накатом (экономия бензина! Эх, времена-времена!), постепенно замедлял свой бег и, наконец, остановился. Степаныч вышел из легковушки. Эх, красота-то какая! Какие сочные

травы в лесополосе! Вымахали-то: чуть ли не по пояс! Вот где раздолье для маевки! А ведь в юности именно в лесополосах, вспомнилось Степанычу, они устраивали свои маевки! Прямо на траве раскладывали клеенку, сверху взгромождалась соответствующая сервировка, вокруг всего этого дела толпилась шумная компания парней и девушек! Как весело было! Какие прекрасные времена! Эх, годы, годы...

Поглощенный нахлынувшей волной ностальгии, Степаныч прошелся по траве, погладил ладонью шершавый ствол акации, вдохнул чистый воздух. Да, не зря все-таки его любимой порой года была весна! Что может сравниться с этим неповторимым буйством зелени трав и деревьев?! Жаль, что весна, собственно, уже и закончилась: завтра уж и календарное лето начинается. Солнце, зной, даже не теплый, а раскаленный воздух... Нет — это совсем не то! Весна есть весна!

Внезапно он чуть не упал, споткнувшись о большой осколок потемневшего от времени пиленого камня, или как его здесь попросту называли — ракушняка. А вон еще один валяется! А вот там их целая небольшая куча! Надо же! В такой траве и не увидел поначалу! Степанычу вспомнилось, что когда-то здесь было что-то наподобие подстанции или чего-то еще — он уж и не помнит. Вот остатки этого небольшого

сооружения, находившегося когда-то посреди лесополосы, вдали от села, и было, видимо, сейчас перед ним.

Впрочем, что это он здесь размышлялся? Пора уж домой — вон вечереет! Сделав то, ради чего он, собственно, и остановился, Степаныч направился к машине, но вдруг услышал за своей спиной какие-то непонятные звуки, похожие то ли на писк, то ли на невнятный стон. Он резко повернулся, однако ничего не увидел. Но уже в следующее мгновение непонятные звуки, скорее похожие на шорохи, послышались снова. Правда, звучали они немного в стороне, справа, куда он вначале своей прогулки направлялся, но так и не дошел. Степаныч уверенно пошел на звук, однако буквально через несколько шагов резко остановился. Надо же: чуть в яму не упал! Хорошо, что в это время он смотрел внимательно под ноги!

Впереди находилась заросшая травой и обложенная все тем же ракушняком глубокая яма. Правда, «обложенная» — это, наверное, громко сказано. Когда-то, конечно же, оно так и было. Но сейчас от времени все осыпалось, и большая часть камней находилась не столько в стенках этого нехитрого сооружения, сколько на его дне. И все же яма еще оставалась довольно глубокой! Уж не отсюда ли доносился писк?

Степаныч осторожно, стараясь не ступить на

самый край ямы, заглянул туда. Так и есть! Там внизу, среди обломков кирпича, он заметил какой то небольшой шевелящийся комочек! Уж не маленький лисенок ли?! Точно! Надо же! Вот бедолага! И угораздило же тебя!

С огромнейшим трудом извлек пленника из его западни! Не зря мать-лиса не смогла его оттуда выволить — уж наверняка и сама бы там осталась! Удочка, извлеченная из «Москвича», да смекалка сделали свое дело: несколько умелых рыбацких движений и вместо крючков на конце удилица оказалась петля, которая, в итоге, и поспособствовала благополучной развязке.

Степаныч взял несчастного на руки и понес к машине.

— Э-э, братец, да у тебя дело худо!

Он сочувственно покачал головой, заметив, что у лисенка разрублена левая бровь. Видимо, при падении на дно ямы он ударился об острый край камня. Бедолага! Вон какая глубокая ранка! Ну, ничего: привезу домой, подумалось Степанычу, сразу же обработаю ее!

Удобно усевшись на сиденье водителя, он уже собрался было заводить двигатель, но прежде решил получше рассмотреть своего, если можно так выразиться, крестника.

Маленький пушистый комочек приятно грел ладони, от него веяло теплом и нежностью, да и

весь он в целом излучал такую ауру, что Степанычу непреодолимо захотелось заснуть его за пазуху, прижать к груди, что он тут же и сделал.

То, что произошло в следующее мгновение, просто потрясло его! Лишь только этот комочек жизни коснулся его груди, как какое-то невероятно волнующее, переполняющее его душу эмоциями, чувство овладело им! Вмиг вспомнились неповторимые и такие дорогие теперь его сердцу годы юности, когда он, упивающийся счастливым мигом, впервые прижал к груди крохотное тельце долгожданного первенца и еле сдерживал желание закричать во всю мощь своих легких: «Отныне есть смысл жить на свете! Есть для кого! Нет, не зря я жил! Я оставил след на этой земле!» Долгими зимними ночами он, прижимая такой дорогой его сердцу комочек к груди, ходил взад-вперед по комнате, пел ему тихие и нежные колыбельные песни и сам себе твердил: вот они лучшие мгновения его жизни! Сколько лет прошло, сын уж давно вырос, но внезапно этот лисенок, казалось бы: безмолвная тварь Божья, а надо же! — так затронул его душу, наваял воспоминания, окунул в пелену ностальгии!

Все еще прижимая лисенка к груди, Степаныч вдруг вспомнил и о другом. Когда-то, когда он сам был еще мальчишкой, старший брат принес домой живого зайца. Поскольку они давно разводили

кролей, то зайцу тут же определили одну из клеток — пусть живет! Даже подумывали случить с крольчихой, мол, что получится? Однако заяц все чах и со временем издох. Запомнились тогдашние отцовы слова: «Я ведь говорил: не нужно его в клетку садить — он свободу любит! В неволе он умрет! Так и вышло!»

Извлекая из-за пазухи лисенка, Степаныч уже знал, что никуда он его не повезет. Здесь место, где живет его лисья семья, здесь их территория. Возможно, мать-лиса где-то рядом смотрит из-за ствола одного из деревьев и сердце ее в эту минуту сжимается от боли, предчувствуя невосполнимую потерю.

Однако ранка рано или поздно начнет гноиться, и тогда... Степаныч достал автомобильную аптечку, открыл флакончик с йодом и обработал ранку.

— Да успокойся ты, глупышка, а то йод в глаз попадет! — приговаривал новоиспеченный ветеринар своему пациенту и делал все, чтобы этого не случилось: не заливал йод прямо из флакона в ранку, а промокал ее ваткой, намотанной на кончик спички.

— Вот это совсем другое дело!

Для верности, чтобы внутрь ранки не попала грязь, эскулап-самоучка вырезал небольшой кружочек пластыря и наклеил его сверху ранки.